

Анастасия Скорикова

Шесть соток

* * *

Эта скорость страшная — не моя:
вижу — время рвётся вперед, а я
для него магнит,
но держусь за жизни своей края,
а оно летит,
а оно сдувает, сдирает плоть,
словно платье ветхое, тащит прочь.

На просторах дальних, в чужих краях,
пощадить просила бы не меня —
птицу, кошку, яблони нежный цвет,
золотистый лист.
Но такая сила не пощадит,
оставляя только слепящий свист,
леденящий свет.

* * *

Драматический театр. И снег
всё идёт, словно одушевлённый, —
это голову кружит успех,
заметая фронтон и колонны,

затмевая включившийся свет,
размывая красивые лица.
Ничего, что билетика нет,
контрамарка у них проводница.

Я заметить смогу на бегу,
что гордится собою афиша,
сквозь фонарные блики, пургу
даже пьесы названье увижу.

Как и я, ты же раньше любил
из притихших кулис дуновенье,
точность жестов, рассчитанный пыл
и заученных слёз вдохновенье.

А сегодня не знаешь и сам
скрыться где от трагических ноток,
от больших доморощенных драм.
Снег летит, словно пух, точно хлопок.

Враги

На ёлку во дворе, с которой серпантин
свисает украшеньем небогатым,
на двор пустой, промерзший до седин,
на жёлтый снег у входа в магазин,
на кровавую лужицу заката,

на узенький каток, как лезвие ножа
заточенный под скорость беспощадно,
на нас, идущих к дому не спеша,
он смотрит со второго этажа,
приумножая холод многократно.

Отвергшие легко далёкий идеал,
к безоблачному «завтра» путь кремнистый,
мы, выбравшие красок карнавал,
свободы призрак, бьющий наповал, —
врагами стали деду-коммунисту.

* * *

В мае откроешь дачу, встретишь вселенский хаос:
как после взрыва — бардак и не смести в совочек.
Млечная пыль прошлой жизни... Что тут ещё осталось? —
Драма непарных носков, трагедия одиночек.

Всё заросло, кустарник рвётся домой из сада —
это и есть хозяин в древнем немом обличье.
Но соловей в ознобе черёмухового аромата
пробует «белый голос», он — Робертино птичий.

Шесть соток

Забыв о веках черных чересполосиц,
шесть соток своих охраняя, как пёс,
сажает и сеет народ-богоносец,
с суглинком мешая пахучий навоз.

Он в землю бросает проросшее семя
и ходит, согнувшись весь день пополам.
Он верит в далёкое светлое время,
готовясь к тяжелым опять временам.

Но, вытянув ночью уставшие руки,
он слышит — поют у реки соловьи.
Печаль возвращают высокие звуки
и память о давней любви.

* * *

Там, где притворства нет, лжи, униженья,
только залива промерзшего ширь,
нежности талой слепое скольжение,
там, где всегда есть любви продолжение, —
белка — сестра моя, брат мой — снегирь.

Снежной зимой не придёшь без гостинца.
Семечек горстку и грецкий орех
в детстве носила с собой: пригодится.
На руку робко садилась синица,
Белка орех разгрызала при всех.

Кто ты сегодня — случайный прохожий? —
Божья залетная тварь, сквозь ледник
к жизни пробиться решившая тоже:
крылья отпали, лишь кости да кожа,
бойкое сердце прикрыл пуховик.

* * *

В те парки Сомова, Судейкина сады,
в Элизиум декоративный Бакста
попасть во сне хотя бы, отдышаться,
от жизни отдохнуть, от тяжести, тщеты —

так хочется душе все ночи напролёт.
Но меж мирами вечная преграда,
как дверь стеклянная, — бессонница встаёт.
Чернильно-синей переливницей об лёд
напрасно бьётся душенька. Засада...

«Эфирные масла, смолы и воска смесь,
беспечных живописцев труд напрасный, —
забава, — говорю ей, — выкрутасы».
Но для неё там глубина и воздух есть.

Белая ночь

Не сон и не вымысел — белая ночь,
меняясь в лице, устояв еле-еле,
пытается обморок свой превозмочь.
На куполе крест или крестик на теле
блеснёт и опять растворится, как дым,
и нежное сердце окутает слабость.
Ты вечно останешься здесь молодым
и клёну, и вязу на вечную радость,
стремясь ускользнуть за незримый изгиб
текущего времени, серенькой Мойки,
решив, что теперь-то уж точно погиб,
но это признание в любви, да и только.

* * *

Вечер осенний на листве золотой заварен.
Жизнь утекает, отраженья в реке плывут.
Что тебе не хватает? Сколько, смотри, пекарен,
булочных в городе открылось и там, и тут!

Сочники, выпечка с корицей, бeze, пеканы,
кексы с изюмом и цукатами, а ещё
кофе на вынос. В одноразовые стаканы
ночь добавляют, звёзды... вечность включая в счёт.

Дёшево подсластили внутренний мир наш грешный,
сдобой смягчили и припудрили за пятак.
Мы берём со сгущёнкой пять золотых орешков,
чай, капучино и выходим в промозглый мрак.

* * *

Ах, этот август свежескошенный,
до облачной подкладки сношенный,
до аромата жухлых трав,
потертый, потный, перекошенный
юродивым из века прошлого
стреляет в нас сухой горошиной,
от нынешних уродств устав.

С чертополоховой колючкою
на рукаве нам машет ручкою...
Посмотрит пристально в глаза,
закусит золотым опадышем
и подобрееет как-то сразу же.
Прозрачная в сиянье радужном
за ним летает стрекоза.

* * *

*Шёл в комнату, попал в другую.
А. Грибоедов*

Задумавшись, почти вслепую,
с симптомом явным ОРВИ,
шёл в комнату, попал в другую. —
Ну чем не формула любви?

Ускорен пульс, дрожат колени...
Знакомый стол, диван, цветок.
Каких ты ждал здесь откровений?
Всё, вроде, то же и не то.

Объёмней, выпуклей предметы
и ярче кажутся цвета.
Уйти захочешь... от ответа,
но дверь снаружи заперта.

Анастасия Скорикова родилась и живет в Санкт-Петербурге. Окончила факультет ПМ-ПУ ЛГУ. Автор книг «Птичий век» (СПб., 2003), «Золотая нить» (СПб., 2007), «Ви-адук» (СПб., 2015), «Закончив разговор» (СПб., 2019). Публиковалась в сборнике «Автограф», в поэтических альманахах «Паровозъ», «45-я параллель», в журналах «Звезда», «Нева», «Крещатик», «Этажи», «Сибирские огни», «Гостиная», дипломант журнала «Этажи» за 2019 г.